

РЕПРОДУКТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Е. Ю. Попова

RUSSIAN ECONOMY REPRODUCTIVE MODERNIZATION

E. Yu. Popova

В статье анализируются основные стратегии модернизации, к которым относятся «институциональная модернизация», «модернизация на основе стимулирования экономического роста», «интерактивная модернизация», и предложена собственная концепция под названием «репродуктивная модернизация» под ведущим руководством государства.

Ключевые слова: модернизация, стратегия, государство, группы интересов, институты.

In this article the main modernization strategies including «institutional modernization», «modernization based on economic growth» and «interactive modernization» are considered; the author's conception of «reproductive modernization» under the leading direction of the state is introduced.

Keywords: modernization, strategy, state, groups of interests, institutions.

Термин «модернизация» является одним из наиболее популярных в настоящее время. Модернизация имеет судьбоносное значение для выживания России в современном мире. Она должна способствовать формированию конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан. Для этого должна быть построена социально-экономическая система, способная к саморазвитию и качественному росту.

В настоящее время экономика России характеризуется следующими параметрами: активное использование сырьевых потребностей внешнего мира; основными субъектами экономики выступают государство и сверхкрупные корпорации; отсутствие у предприятий стимулов к инновациям; отсутствие системной структурной политики у государства; внутренний рынок характеризуется низким уровнем конкуренции; социальная сфера находится полностью на обеспечении государства; социальное расслоение и социальная пассивность основной части общества.

Среди основных рисков, с которыми может столкнуться в обозримом будущем Россия, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года называются следующие [1]: утрата научного и технологического потенциала; ослабление геополитических позиций; закрепление сырьевого характера экономики; низкие темпы экономического роста.

Последние два пункта означают, что дальнейшее сохранение доминирования сырьевой отрасли в структуре экономики России сделает невозможным развитие более высокотехнологических отраслей. Помимо прочего, это повлечет за собой деградацию человеческого капитала, регрессивные явления в таких сферах, как образование, наука и т. д. Что касается сугубо экономических последствий, то уже сейчас многие эксперты подчеркивают, что к настоящему времени пределы роста в рамках сырьевого сценария развития достигнуты: ежегодно добыча нефти на месторождениях, например Западной Сибири, сокращается на 4 – 5 % [5, с. 74].

Очевидной становится необходимость в совершенствовании экономического курса страны. Одним из вариантов такого совершенствования может стать дополнительная концентрация ресурсов (финансовых, трудовых, производственных) на строго обозначенных направлениях развития; конечным результатом этого должно стать достижение определенных показателей: темпов роста ВВП и отдельных отраслей, уровня инвестиций, показателей доходов населения. Однако достижение этих целей возможно и при имеющемся в данный момент в стране уровне развития производства и сложившейся системе институтов. Кроме того, наращивание объемов ресурсов, направляемых в развитие тех или иных сфер, может происходить за счет сокращения вливаний в другие, менее приоритетные сферы. Другим вариантом реформирования экономической политики является модернизация. Ее мы определим как согласованный процесс реализации мер субъектов экономических отношений по совершенствованию механизмов производства, распределения, обмена и потребления благ и их расширенного воспроизводства на основе разработанных экспертным путем кратко- и долгосрочных стратегий развития в соответствии с общими принципами гражданского общества и социального государства.

В настоящее время в российском научном сообществе имеются следующие фундаментальные точки зрения на стратегию российской модернизации – «институциональная модернизация» (стратегия преобразования институциональной среды), «проектный подход» (стратегия модернизации экономики путем стимулирования экономического роста), «интерактивная модернизация» [6].

К «институциональной модернизации» можно отнести, по сути, любые попытки рассмотреть модернизацию не только как чисто экономическое явление, а более широко – в рамках общественно-исторического и политического контекста, обосновать некие группы интересов, участвующие в ее процессе, которые сразу выводят к институциональной парадигме. Ее сторонники полагают, что вмешательство некачественной и коррумпированной бюрократии может только навредить экономике. Эта стратегия предус-

матривает использование именно эффективных институтов, способных стать важнейшим источником модернизации экономики. Необходимо проводить институциональные реформы, направленные на улучшение государственного управления и судебной системы, искоренение коррупции, устранение административных барьеров, мешающих работе бизнеса и жизнедеятельности общества, совершенствование человеческого капитала и т. д.. Главным условием повышения производительности труда считается гибкость трудового законодательства [7]. Представители институционального направления модернизации, в свою очередь, делятся на представителей либерального направления, настаивающих на том, что государство должно проводить институциональные реформы в судебной системе, законодательстве и т. д., и в условиях оптимизации административных барьеров рынок сам способен вывести экономику на траекторию модернизации (к таковым относятся В. Мау, Е. Ясин); сторонники же наиболее радикального направления институциональной модернизации настаивают на вмешательстве государства в реформирование экономических институтов, в частности, в области перераспределения ресурсов.

Сторонники «проектного подхода» считают, что в условиях низкой эффективности российской экономики попытки по созданию рыночных институтов не принесут должных результатов. Следовательно, в настоящее время необходимо максимально использовать все конкурентные преимущества, которыми обладает Россия на мировом рынке. Полученные в результате доходы необходимо направлять на последующую модернизацию остальных отраслей экономики. Мероприятия по внедрению и совершенствованию институтов следует проводить только после достижения определенных благоприятных показателей экономического роста.

При осуществлении обоих планов по модернизации ведущая роль отдается государству, т. е. речь идет о «модернизации сверху» [6, с. 16]. Вместе с тем сторонники обоих подходов признают, что для успеха любой стратегии следует обеспечить диалог государства, бизнеса и общества.

Стратегия интерактивной модернизации была разработана профессором В. М. Полтеровичем [6]. Суть ее заключается в следующих двух аспектах:

1. Индикативное планирование, которое активно применялось во многих странах (прежде всего восточно-азиатских странах, также в Испании, Португалии, Франции), достигших за последние 60 лет успехов в экономическом развитии. Значение системы индикативного планирования состояло не только в ориентировочных показателях развития, но также и в том, что она представляла собой регулярный механизм взаимодействия представителей государства, бизнеса, общественных коалиций, профсоюзов, что вело к достижению консенсуса и установлению взаимного доверия.

В. Полтерович справедливо отмечал, что политическое поле на момент его исследования (2008 г.) было закрыто; в настоящее время ситуация начинает немного меняться после выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. Однако о реальных последствиях политических процессов говорить пока рано.

В экономическом поле уже сформировались коалиции: отраслевые ассоциации, объединения предпринимателей и потребителей, профсоюзы. В условиях современной России объединения участников модернизационных процессов, по Полтеровичу, должны создаваться прежде всего на основе именно экономических интересов, поскольку в таких условиях заинтересованы и бизнес, и общество, и – до некоторой степени – власти. Чтобы добиться «экономического чуда» в России, он предлагает создать институциональную систему для выработки стратегий экономического развития, совместимую с имеющимися культурными, политическими и институциональными ограничениями – систему интерактивного управления ростом (СИУР). Ее функционирование должно опираться на такие группы интересов, которые в нынешней ситуации имеют шансы стать группами действия.

2. Преимущество отсталости – возможность заимствования уже созданных развитыми странами институтов, методов управления и технологий производства [6, с. 14]. В этом случае технологически отставшая страна может использовать это преимущество во всех отраслях, осуществив тем самым масштабную модернизацию. Это подтверждает успешный опыт Японии, которая начала делать ставку на инновации только в 1980-е гг., когда по уровню душевого ВВП она сравнялась с европейскими странами; до этого же страна развивалась преимущественно за счет заимствования западных технологий [6, с. 14].

Преждевременная ориентация на инновационное развитие может привести, помимо прочего, к неэффективному расходованию средств. В задаче заимствования цель определена более четко по сравнению с инновационным развитием (которое до сих пор воспринимается значительной частью населения как нечто абстрактное). Некоторые страны (Италия, Финляндия, Норвегия, Ирландия) сумели совершить «рывок» уже будучи на довольно высокой стадии развития [6, с. 16]. Япония и страны Юго-Восточной Азии смогли подняться на качественно новый уровень социально-экономического развития, потому, что в свое время сделали упор на внедрение и развитие отраслей четвертого технологического уклада, заключающихся в использовании энергии углеводородов, на изобретении и применении двигателя внутреннего сгорания, электродвигателя и развитии на этой основе автомобилестроения с дальнейшим использованием энергетики нефтепродуктов, изобретении синтетических материалов, и в своевременном включении (примерно с начала 1980-х гг.) в развитие отраслей пятого уклада – электронной и атомной энергетики, инновациях в области микроэлектроники, информационных технологий, геномной инженерии, биотехнологий, приведших к освоению космического пространства, появлению спутниковой связи и других возможностей человека.

В России происходит инерционное продолжение сложившегося ранее сценария, характеризующегося преобладанием дирижистских методов экономической политики (ввиду отсутствия более или менее внятного алгоритма ее развития). Такая ситуация наблюдалась в России как в течение экономического роста до 2008 года, так и при проведении антикризисных мероприятий и по настоящее время. Наблюдалась и до

сих пор наблюдается массивная закачка средств в госкорпорации либо в отдельные отрасли и предприятия (в особенности это заметно по ситуации с российским автопромом). Другими словами, финансовый аспект экономической политики, бесспорно, доминирует над институциональным.

Исследования показывают, что большинство мер экономической политики имеют «пороговый» характер: они дают положительный эффект при достаточно высоком качестве институтов и не приносят результатов (или дают отрицательный эффект) при низком [2, с. 10]. Вопросы о связи экономического роста и качестве институтов поднимались российскими исследователями и без привязки к модернизации; связано это со следующим. Как известно, 2007 год считался наиболее удачным для российской экономики до начала кризиса. Темп роста ВВП в 2007 г. составил 8,1 % и являлся одним из самых высоких за период после 1998 г. (выше был показатель 2000 г – 10 %, однако нельзя не принимать во внимание восстановительный характер экономики). В. Мау назвал тот период переходом к инвестиционной модели роста [4, с. 4].

Ни для кого не секрет, что высокие темпы экономического роста должны обеспечиваться структурными сдвигами. Без диверсификации экономики и повышения ее конкурентоспособности даже при максимально возможном росте ВВП не будет устойчивости. Если в предкризисный период до 40 % прироста ВВП РФ обеспечивалось увеличением контрактных цен и физических объемов топливно-сырьевого комплекса, а сам экспортно-ориентированный сектор генерировал основные доходы в экономике, включая более половины поступлений консолидированного бюджета страны, то в условиях обвала международных товарных рынков, значительного сокращения валютной выручки и сжатия внешнего спроса, экспортная сфера стала мощным катализатором негативных процессов в национальном хозяйстве. В этом смысле демонстрируемое благополучие российской экономики выглядело весьма условно.

Стратегия модернизации, основанная на стимулировании экономического роста, сталкивается со значительными трудностями, главное из которых – высокая степень неопределенности, не позволяющая оценить результаты с достаточной точностью. Поскольку реализация любой программы может происходить с какими-либо сбоями и не вести автоматически к росту благосостояния, то население может потерять веру в целесообразность реформ. В условиях российской действительности при составлении экономико-математических моделей следует ожидать весьма высокой погрешности вследствие относительно быстрых институциональных изменений, сильной зависимости от внешних цен на энергоресурсы и низкого качества статистического учета. Для количественного прогноза показателей роста серьезное препятствие представляют возможные институциональные реформы. В этом смысле представляется разумным обоснование Стратегии развития России до 2020 года как долгосрочной.

Возможен и другой сценарий реализации «проектного подхода» – в условиях максимальной свободы рыночных субъектов, в надежде, что рынок сам выведет страну на правильный путь развития. Такой

сценарий реализовывался в России в 1990-е гг., и сказано об этом уже было немало.

В пользу институциональной модели модернизации говорит ряд фактов. Например, В. Рустамов ссылается на исследование, проведенное в 2008 году Комиссией по росту и развитию (Всемирный банк), в котором рассмотрена динамика развития 13 стран за 25 лет со среднегодовым темпом роста ВВП не ниже 8 %, выявило дополнительный фактор: наличие национального консенсуса по поводу долгосрочных задач экономического развития [9, с. 94]. Из 13 стран, которые достигли такого результата, большинство не имеют признанных демократических институтов, посредством которых устанавливается национальный консенсус. Это означает, что модернизацию может осуществить страна с различными институциональными условиями, но для этого важно наличие акторов с долгосрочными интересами и существование работающих механизмов обратной связи государства и общества.

К сожалению, быстрое совершенствование институциональных условий затруднено в краткосрочной перспективе. Если коррупция распространена повсеместно, что мы наблюдаем в России, то консолидация отдельных субъектов с целью отказа от коррупционной модели поведения становится невозможной в силу неразвитости политической системы и гражданского общества. Аналогично, коррумпирующая бюрократия не станет проводить административную реформу, тем самым еще более усугубляя коррупционный характер системы.

Банальное наращивание финансирования отдельных направлений хозяйствования в современных российских условиях может привести к ухудшению качества жизни основной части населения, деградации отдельных отраслей при условии наращивания конкурентоспособности в сферах, способных создать преимущества на мировом рынке. Такой сценарий требует масштабного вмешательства государства в экономико-общественную жизнь страны, которое без должных институциональных реформ в современных условиях способен привести лишь к колоссальному росту бюрократического аппарата: при неразвитости коалиций, способных воздействовать на государственные решения и их реализацию, государство, по сути, останется единственным регулятором, каждая новая возникающая проблемная ситуация потребует создания новой структуры.

В сложившихся условиях неразвитой институциональной системы и непрозрачности информации усилия отдельных предприятий по диверсификации производства или внедрению самых новейших разработок не способны кардинально изменить структуру российской экономики. Если сравнивать институциональное направление модернизации и стратегию экономического роста, можно заметить еще одну интересную особенность: сторонники институционального направления, скорее, представляют желаемую картину будущего, т. е. какой страна должна быть после завершения процесса модернизации; в то же время сторонники проектного подхода больше концентрируют внимание на текущей тактике практических действий, при этом желаемые ориентиры модернизации остаются весьма расплывчатыми.

В то же время Россия характеризуется такими параметрами, которыми в течение исторического развития не обладала ни одна страна – значительная географическая протяженность и в связи с этим существенная региональная дифференциация, сочетание значительных наработок в развитии отдельных отраслей промышленности и науки (в отдельные периоды – опережающих по сравнению с показателями стран Запада) и низкого уровня жизни населения. Сырьевая экономика востребует лишь часть трудовых ресурсов, и ее потребности в квалифицированном труде ничтожны по сравнению с общей численностью населения. Причем социально-экономическая структура российского общества сформировалась таким образом, что значительную часть пресловутого «среднего класса» составляют не инженеры, врачи, работники образования и науки, мелкие и средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и др.

Опираясь на такие рассуждения, некоторые исследователи ставят под сомнение возможность осуществления «модернизации сверху», и в особенности институциональной модернизации. Ее защитники, описывая институциональные реформы, достижение консенсуса в обществе и т. д., не отвечают на вопрос о месте взаимодействия коалиций, ответственных за их проведение – либо это будут независимые научные и общественные объединения, политические партии, или роль таких коалиций возьмут на себя представители бизнеса. Возможно, их рассуждения представляются чересчур теоретизированными и лишены конкретными рекомендациями. Проблема состоит в том, что формирование таких коалиций и групп интересов способно радикально изменить картину социально-общественной и экономической жизни страны, однако очень трудно хотя бы приблизительно прогнозировать момент их создания, первые результаты их функционирования и время появления положительных результатов. Население страны, уставшее от постоянных реформ и неопределенности, которую они влекут, быстро разочаровывается в реформе, если только она не принесет в краткосрочном периоде конкретных результатов. Однако осуществления модернизации на основе проектного подхода (любого из вариантов) представляется еще более проблематичной. Приведенные выше определения модернизации в большинстве своем не учитывают в полной мере уровень социально-экономического развития России. Как показывает зарубежный опыт, многие страны, достигшие успеха в своем экономическом развитии в XX веке, начинали в условиях коррупции, слабой судебной и законодательной системы (например, Франция и Германия после Второй мировой войны). Еще более показателен пример послевоенной Японии, где многие традиционные предприятия были преобразованы в акционерные общества по американскому типу. В первые годы таких реформ многие эксперты тех лет объясняли невозможность реформирования японской экономики японским национальным характером. Спустя 20 лет японское экономическое чудо также объясняли японским национальным характером.

Фактически, на наш взгляд, в России реализовывались по сей день стратегия экономического роста (пу-

тем максимального использования конкурентных преимуществ России в виде запасов минерального сырья и сокращения доли государства в экономике) и стратегия интерактивной модернизации – в той ее части, которая предполагает создание системы планирования на основе взаимодействия государства, бизнеса и общества – путем создания специализированных институтов развития по западному образцу. Т. е. при определении приоритетов развития составлялись планы по их реализации, определялись цели достижения, ответственные субъекты, и под эти задачи формировалось необходимое институциональное окружение. Создавались специальные «институты развития», призванные сформировать специальные условия для секторов, предпочтительных с позиций государства. Под ведущую роль государства выстраивалась институциональная система, включая проблемы собственности, банкротства, внешнеэкономическую деятельность и т. д.

Подобная стратегия на определенном этапе способна обеспечить высокие темпы экономического роста, особенно при наличии мощного потока финансовых ресурсов, поступающих в госбюджет. Однако проблема этой стратегии заключается в низкой результативности, что связано с неэффективностью принимаемых решений относительно приоритетов инвестирования, либо с банальной неэффективностью составления смет инвестиционных проектов.

Главная опасность интерактивной модернизации состоит в следующем. Как верно указал В. Полтерович, политическая конкуренция не достигла еще уровня развития, характерного для развитых стран (и это преподносится как само собой разумеющийся факт), а общественные коалиции, способные собрать значительные слои населения, не сформированы. В «РБК daily» от 24.01.2011 приводятся неутешительные подсчеты Ассоциации независимых центров экономического анализа: 70 % российского общества не готово поддержать модернизацию, а политическая элита и вовсе относится к модернизации прохладно. «Элита к любым проектам готова приступить лишь тогда, когда она уверена, что это решение не подорвет ее власть, – отмечает профессор НИУ ВШЭ Леонид Григорьев [3]. Поскольку модернизация, в том числе политическая, подразумевает перемены не только в экономике, но и во властных рядах, то политэлите выгоднее «законсервировать» свое положение», – говорится в статье. Следовательно, экономическая коалиция является единственно способной стать движущей силой модернизации, поскольку заинтересована в создании более благоприятных условий для ведения своей деятельности. Однако подавляющая часть экономической власти сосредоточена в руках представителей сырьевой промышленности и финансового сектора, а также отдельных представителей олигархической прослойки. Такого рода «элита» прямо заинтересована в сохранении текущего положения дел. Соответственно она будет лоббировать у государства ту политику, которая будет и далее консервировать текущее положение дел. Скажем также пару слов об этимологии слова «интерактивный». Изначально под этим словом подразумевался «диалоговый», связанный с коммуникацией и общением, сейчас же, в связи с поступательным развитием IT-технологий, под этим словом все больше понимается «виртуальный», «от-

носящийся к компьютеру», тем самым словно бы подчеркивается игровой, симуляционный, виртуальный вариант предлагаемой модернизации.

Основной чертой современной российской элиты (как политической, так и экономической) является неконтролируемая возможность определять размеры собственной заработной платы. В дореформенный период высокое служебное положение обеспечивало возможность контроля над собственностью и право на привилегии, а на сегодняшний день — присвоение собственности и доходов [8]. Вопрос об их готовности взять на себя ответственность за модернизационные процессы является риторическим.

Из вышесказанного видно, что в настоящее время необходимая России стратегия модернизации должна лежать на стыке экономического роста и формирования специальных институтов; интерактивная модернизация представляет собой попытку синтеза двух указанных стратегий, однако, как уже было показано, не в полной мере учитывает реалии российской экономики. Мы предлагаем следующее: траекторию модернизации необходимо разбить на два условных этапа; целью первого является создание такого институционального базиса, который на втором этапе станет основой для высококачественного экономического роста: речь идет о репродуктивной (самовоспроизводящейся) модернизации.

Мы полагаем, что в процессе модернизации государству принадлежит **определяющая роль** как на первом, так и на втором этапе, и главным его инструментом в процессе модернизации должна стать структурная политика, направленная на реформирование как социально-экономической, так и институциональной систем страны. Однако для этого должна быть оптимизирована система государственного управления — проблема оптимизации государственного управления:

– во-первых, с точки зрения повышения качества принимаемых решений (прежде всего стратегических), что тесно связано с набором и объемом полномочий (функциями, границами) государства;

– во-вторых, совершенствования административно-управленческих процессов исполнения стратегических решений и государственных функций.

В понимании роли государства в процессе модернизации состоит различие между репродуктивной стратегией и ее институциональным вариантом: если первый делает акцент на необходимости создания соответствующих институциональных условий, при которых впоследствии рынок сам способен выйти на инновационный путь развития, то во втором случае ясно, что государство берет на себя определяющую роль по согласованию и корреляции действий отдельных субъектов на обоих этапах. К сожалению, приходится констатировать, что любая концепция развития, даже ориентированная на достижение результатов, максимально благоприятных для каждой из групп интересов, сама по себе не способна скоординировать действия отдельных экономических субъектов. Однако без должных экономических реформ такая модернизация может превратиться в обычное наращивание финансирования, о чем уже было сказано выше.

Итак, репродуктивная модернизация — это модернизация, основанная на определяющей роли в ней государства, ключевой целью которой является формирование институциональных условий, способных стать основой для высококачественного экономического роста.

В таблице 1 приведены основные характеристики всех четырех рассмотренных типов модернизации.

Обязательным условием успешного проведения любой модернизации является наличие устойчивого спроса на нее — как со стороны бизнес-сообщества, так и со стороны общества и государства. Предъявляемый в настоящее время спрос низок ввиду сложившейся динамики социального-экономического развития, а также сильной фрагментированности и разобщенности общества. Именно действия государства должны стать толчком для роста спроса на модернизацию со стороны остальных акторов и стимулом для роста коалиции за модернизацию.

Таблица 1

Характеристики основных стратегий модернизации

	Институциональная	На основе экономического роста	Интерактивная	Репродуктивная
Цель	Преобразование социально-экономической системы общества, с точки зрения формирования коалиций, преимущественно по образцу развитых стран.	Достижение максимально благоприятных показателей экономического роста, пригодных для преобразования институциональной системы по выбранному образцу.	Одновременное преобразование всех сфер социально-экономической жизни с целью достижения совместно договоренных показателей развития.	Создание таких условий для инновационного типа хозяйствования, при которых дальнейшая модернизация становится самостоятельным процессом.
Основной инструментарий	Развитие гражданского самосознания, формирование институтов гражданского общества.	Любые меры по стимулированию экономического роста.	Развитие переговорного механизма, максимальное использование зарубежного опыта.	Включает все указанные меры.

	Институциональная	На основе экономического роста	Интерактивная	Репродуктивная
Субъекты реализации	Не определены; недостаточно четко прописан механизм того, как должны сформироваться коалиции.	Производительные единицы.	Все субъекты, задействованные в социально-экономической жизни, но упор предполагается сделать на экономические объединения.	Равноправное участие государства, бизнеса и общества.
Глубина преобразований	Зависит от сформировавшихся коалиций.	Зависит от сложившихся экономических пропорций.	Зависит от доминирования той или иной группы в процессе переговоров.	В соответствии с заданной целью модернизации.

Литература

1. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/tnews/news/3467/proekt_strategii_innovacionnogo_razvitiya_rossii_do_2020_g.

2. Кудрин, А. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России / А. Кудрин, О. Сергиенко // Вопросы экономики. – 2011. – № 3.

3. Литвинова, А. Политическая элита только делает вид, что готова к модернизации / А. Литвинова // РБК daily – 2011, 24 января [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/01/24/focus/562949979589816>.

4. Мау, В. Экономическая политика 2007 года: успехи и риски / В. Мау // Вопросы экономики. – 2008. – № 2.

5. Модернизация экономики России: кардинальное улучшение инвестиционного климата (эко-

номический доклад Общероссийской общественной организации «Деловая Россия») // Вопросы экономики. – 2010. – № 10.

6. Полтерович, В. Стратегии модернизации, институты и коалиции / В. Полтерович // Вопросы экономики. – 2008. – № 4.

7. Родионов, К. Рост после кризиса: к новой повестке дня / К. Родионов // Независимая газета – 2010, 28 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2010-07-28/6_crisis.html.

8. Рудакова, О. Высокообеспеченные слои российского общества: численность и механизм формирования доходов / О. Рудакова, Е. Харитоновна // Управление персоналом. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1506>.

9. Рустамов, Э. Принципы эволюционной модернизации переходных экономик / Э. Рустамов // Вопросы экономики. – 2009. – № 7.